

61. *Luckmann Th.* The constitution of language in everyday life // Life-world and consciousness. Evanston, 1972.
62. *Luckmann Th.* Aspekte einer Theorie der Sozialkommunikation // Lexikon der germanischen Linguistik. Tübingen, 1973.
63. *Mukařovskij J.* Kapitel aus der Ästhetik. Frankfurt am Main, 1970.
64. *Piaget J.* Einführung in die genetische Erkenntnistheorie. Frankfurt am Main, 1973.
65. *Piaget J.* Nachahmung, Spiel und Traum. Frankfurt am Main, 1974.
66. Jean Piaget über Jean Piaget: Sein Werk aus seiner Sicht. München, 1981.
67. *Schütz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt am Main, 1985. Bd. 2.
68. *Wallon H.* Les origines de la pensée chez l'enfant: les tâches intellectuelles. Paris, 1947.
69. *Wallon H.* Les origines du caractère chez l'enfant: les préludes du sentiment de personnalité. Paris, 1949.
70. *Werner H.* Comparative psychology of mental development. Chicago, 1948.
71. *Werner H., Caplan B.* Symbol formation. Chicago, 1963.

И. В. Дмитриевская

СИСТЕМНО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Статья имеет двоякую цель: выявить структурный аспект понятия «смысл человеческого бытия» и применить системный метод к исследованию конкретного текста, а именно — показать, каким образом понимание смысла бытия Л. Н. Толстым отражается в развитии системы образов романа «Война и мир». Таким образом, решение чисто теоретической философской проблемы получает конкретное воплощение в прикладной феноменолого-образовательной задаче.

This article pursues the double aim: to figure out the structural aspect of the sense of human existence and to use the systematical method of analysis in the exploration of a concrete text, that is to explain how L. Tolstoy's understanding of the sense of human life is reflected in the development of figures and images of his novel «War and peace». Thus a pure philosophical problem finds its concrete solution in an applied phenomenological-educational task.

Ключевые слова: смысл человеческого бытия.

I

Л. Н. Толстой ясно и просто отвечает на вопрос о смысле бытия человека: высший смысл нам не дано знать, а в обычной жизни мы можем обойтись и без понимания своего высшего назначения: в поступках следует руководствоваться долгом. Долг диктуется совестью, а совесть — божественное начало в человеке. Значит, если мы поступаем по совести и не забываем о своем человеческом долге, то наша жизнь осмысленна и, более того, она определяется и направляется высшим смыслом.

Что такое смысл бытия? В самом общем понимании — это определенное отношение человека к своему существованию. Задаваясь вопросом о смысле бытия, человек мысленно отчуждает себя от событий собственной

жизни и, рефлексировав, пытается построить некую *целостность* на основе системообразующего отношения «Я — события жизни». Этот вопрос предполагает более частные: о цели жизни и о том, выполняет ли человек свое назначение, о существенном и несущественном в бытии, об истинном и ложном, существовании, о нравственном содержании жизни, о свободе и ответственности и т. п.

Сначала кажется, что дать ответ на вопрос о смысле бытия просто: бытие человека имеет смысл, если в нем есть существенное содержание, то есть поступки человека и события его жизни выражают сущность личности. Если личность не сформирована или разрушена жизнью, то говорят, что человек не реализовал себя, а его жизнь бессмысленна.

Содержательное толкование смысла бытия несовершенно: каждый может понимать его по-своему, отвергая иные мнения как ложные. Скажем, революционер, жертвующий жизнью в борьбе за народное дело, сочтет бессмысленной жизнь смиренного обывателя, хотя у последнего смысл жизни в сохранении самой жизни; ученый, положивший на алтарь науки собственную жизнь и жизни близких, сочтет бессмысленной жизнь труженика, выполняющего нелюбимую работу для заработка; мать-героиня, воспитавшая десять детей, может с сожалением относиться к жизни бездетной одинокой актрисы, искусство которой радует миллионы зрителей и т. п.

Хотелось бы определить смысл бытия более строго, формально, чтобы найти общую закономерность в различных содержательных трактовках этого понятия.

Обычно полагают, что та или иная концепция смысла бытия связана с общей мировоззренческой позицией субъекта. Так, человек материалистических убеждений скорее всего будет ставить перед собой вполне земные цели и обретет смысл жизни в их осуществлении. Религиозный человек найдет смысл в служении Богу, политик — интересам государства, художник — прекрасному и т. п. Но нельзя с уверенностью сказать, где причина, а где следствие: что первично — определение смысла бытия или субъективное мировоззрение и миропонимание? К тому же далеко не каждый человек обладает сложившейся системой мировоззрения; чаще формирование мировоззрения и миропонимания — это процесс создания динамической картины мира, компонентом которой является понятие смысла жизни, и подчас этот элемент имеет большую определенность, чем мировоззрение в целом.

Обратим внимание на зависимость понимания смысла бытия от структурно-психологических особенностей личности, используя метод системного анализа.

Вопрос о смысле бытия решается в экзистенциализме, герменевтике, феноменологии. С экзистенциалистской точки зрения, смысл бытия не раскрывается непосредственно при ровном и спокойном течении жизни. Но в пограничной ситуации, когда человек встречается со смертью, этот вопрос встает ребром. Если человек преодолел пограничную ситуацию и понял свое назначение, то все события прошлой и последующей жизни оцениваются им с точки зрения соответствия или несоответствия этому назначению и упорядочиваются именно в этом отношении. Иными словами, смысл играет *системообразующую роль* по отношению к бытию. Осмысленное существование отличается от бессмысленного как *система* от *несистемы*.

С герменевтической точки зрения, события жизни можно рассматривать как текст, а выявление смысла — как *понимание* текста. Чаще всего смысл жизни фиксирует отношение событийного ряда к некоторым, воспринимаемым как априорные, нормам преимущественно нравственного содержания. Событие или поступок имеет положительный смысл, если «вписывается» в норму, отрицательный, если противоречит ей.

При феноменологической трактовке смысла бытия событийный ряд отражается потоком сознания, а смысл проявляется как ряд феноменов, сконструированных в процессе феноменологической редукции.

В этих философских подходах к определению смысла бытия присутствует *инвариантный* (структурный) аспект. Прежде всего смысл играет системообразующую роль по отношению к существованию. Осмысленное бытие представляет *систему*, целостность. Напомним, что, по определению А. И. Уёмова, система — это множество вещей, на котором реализуется отношение (структура) с заранее фиксированными свойствами (концепт) [6, с. 17]. Доминантным в системе является уровень системообразующего свойства и отношения (концептуально-структурный уровень), элементы (субстрат) играют подчиненную (латентную) роль. Применительно к трактовке смысла бытия определение системы имеет следующую интерпретацию: события жизни — субстратный уровень представления системы, смысл — концептуально-структурный. Человек обретает понимание смысла бытия в том случае, когда событийный ряд упорядочивается определенным концептуально значимым отношением. Если системообразующее отношение во временном ряде событий отсутствует, такая жизнь кажется бессмысленной. Человек, живущий по принципу «день пережит, и слава Богу!» или «день за день, завтра, как вчера», — живет бессмысленно. Но если отношение к жизни можно выразить такими словами:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!

[2, с. 88]

— то в жизни человека, несомненно, присутствует высокий смысл.

Вторая структурная особенность смысла бытия заключается в том, что смысл всегда является *отношением нового к известному*: новые события вписываются в известные нормы или соотносятся с известными оценками уже свершившихся событий и фактов. Таким образом, осмысленное существование протекает в соответствии с той или иной моделью *понимания* [1, гл. 2]. Осмысленное бытие противопоставляется бессмысленному как понятное и понятное непонятному или тому, что в принципе не может быть понято.

В логике существует закон, согласно которому наличие смысла в языковом выражении определяет наличие и единственность денотата, то есть текст выстраивается — от смысла к последовательности знаков. Аналогично, целостной и реальной свою жизнь мы воспринимаем в том случае, когда оцениваем события, исходя из определенного понятного нами смысла: логично строить жизнь — от смысла к событийному ряду.

Мы различаем имманентный, неимманентный и трансцендентальный смыслы бытия. Конструируя *имманентный смысл*, человек реализует на событийном ряде свойства внутренней психологической структуры. Скажем,

совестливый человек всегда поступает справедливо, добрый помогает ближнему, агрессивный находит смысл жизни в войне, борьбе, человек со слабым типом нервной системы во всем сомневается и т. п. Выбор модели определения смысла существования, таким образом, зависит от психологического типа личности. Людей, выбирающих имманентный смысл бытия, обычно называют самодостаточными. Их личность системно организована, имеет определенные концепт и структуру, целостна, открыта лишь субстратно: такие люди сами планируют жизнь, сами определяют, в каком направлении следует самосовершенствоваться. Это люди с *реистической* психикой. Познание и конструирование жизни и ее смысла протекает по *аналитической модели понимания*: внутренние, определенные психологические и понятийные структуры реализуются на внешнем субстрате — событиях или отношениях с другими людьми. Такие люди редко приспосабливаются к обстоятельствам, чаще — подчиняют их себе.

Неимманентный смысл привносится извне, заимствуется из норм — нравственных, правовых, эстетических, религиозных и т. п., сложившихся в культуре. Жизнь понимается как служение — Отечеству, идее, другому человеку или Богу. Человек не является самодостаточным, он ощущает себя частью чего-то целого, вынесенного за пределы его личности. Таких людей можно назвать людьми с *атрибутивно-реляционной* психикой: концептуально-структурные функции в системе бытия человека осуществляет *внешняя* система, а субъекту отводится роль субстрата. Познание смысла и конструкция жизни протекают по *синтетической модели*: концепт и структура системы жизни и ее смысла заимствуются, субстратные функции выполняет сам человек. Самые простые, доступные модели жизненного поведения рассчитаны на неимманентное понимание смысла. Скажем, когда говорят, что человек должен жить просто: построить дом, вырастить дерево и родить ребенка, то с системологической точки зрения, это означает ориентацию лишь на субстратное развитие человека. Считается, что сущность и закон бытия определяются свыше.

Проиллюстрируем сказанное анализом цитаты из произведения Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра»: «Он был половиной чего-то. Сильной, красивой и даровитой половиной чего-то, что, возможно, было еще сильнее, крупнее и красивее его. И так, он был волшебной половиной чего-то величественного и непостижимого. А она была совершенным целым. Небольшим, неопределившимся, не очень сильным или гармоничным целым, но целым» [3, с. 7].

«Он» — личность с атрибутивно-реляционным типом психики, поэтому ему должны быть свойственны поиски неимманентного смысла бытия. «Она» — напротив, реистична, самодостаточна — ей присущ имманентный смысл бытия. Развитие судеб героев романа о Геро и Леандре подтверждает эту гипотезу — оба героя погибли, но Леандр погиб случайно, от взрыва башни, которую он строил, а Геро, во мнении людей, покончила с собой. «Ничего таинственного, к сожалению, на свете нет. Свет наполнен не тайнами, а писком в ушах. Вся история длится столько же, сколько звук от удара хлыста!» [там же, с. 87].

Трансцендентальный смысл бытия. Его постижение основано на предположении о том, что сущность и внутренний закон бытия *трансцендентны*, вынесены за пределы чувственного опыта и рационального знания. Они непознаваемы для простого смертного, который видит смысл существования в повседневных делах. Создатели и приверженцы глубоких философских и религиозных доктрин полагают, что трансцендентальный смысл можно по-

знать с помощью их концепций. В действительности человек осознает себя стоящим на пороге познания трансцендентного лишь в экзистенциальной ситуации, встречаясь лицом к лицу со смертью. Здесь он задает себе вопрос: какой смысл имела его жизнь и каков смысл его собственной смерти? И если на тот и другой вопрос он сможет ответить конкретно и положительно, то он действительно познал трансцендентальный смысл. Этот смысл не постигается рациональным путем, путь его постижения *иррационален*: это инсайт, озарение, просветление, катарсис, божественное откровение. М. Хайдеггер развертывает прекрасную метафору, раскрывающую путь постижения трансцендентального смысла: наше познание можно сравнить с блужданием в темном лесу, а открытие истины — с внезапным выходом на поляну, залитую солнечным светом. Процесс познания — самораскрытие *присутствующего*, изначально выступающего как *потаенность*. Познание смысла — переход от потаенного к *непотаенному* и далее к *непотаеннейшему* (алетейя) [8, с. 232].

II

Каким образом отражаются изложенные мысли о природе смысла бытия в системе образов романа Л. Н. Толстого «Война и мир»? Л. Н. Толстой различает две стороны в природе человека — телесно-чувственную и рационально-духовную. Соответственно, существуют два образа жизни — жизнь телесная (животная) и жизнь духовная, нравственная. Процесс становления человека как духовного существа проходит через экзистенциальный кризис, смысл которого заключается в необходимости подчинить телесное начало духовному, в постижении законов духовного бытия и в проявлении духовного закона как внутреннего, лично-образующего качества человека. Став духовным существом, познав нравственный закон, человек обретает свободу.

Л. Н. Толстой излагает свое понимание смысла человеческого бытия и смысла истории в эпилоге романа «Война и мир» [5, с. 247—356]. Это не индуктивное обобщение, а скорее концептуально-структурный «костяк», развитие которого порождает ткань романа. Текст романа развертывается по аналитической модели — от смысла к тексту, а система образов отражает определенные аспекты понимания Л. Н. Толстым смысла жизни. Читатель, в процессе постижения идейного содержания романа, использует синтетическую модель понимания, двигаясь от текста к смыслу. Излагая квинтэссенцию своего понимания смысла бытия в конце романа, Л. Н. Толстой как бы предлагает читателю сравнить то, что он понял из текста, с тем, «что хотел сказать автор своим произведением».

Читая роман, обращаешь внимание на то, что одни герои жизнеспособны (идут по «пути жизни»), мы встречаемся с ними в конце произведения, другие идут по «пути смерти» (им уготована гибель на страницах романа). Памятуя о том, что «смысл определяет наличие и единственность денотата», можем заключить, что смысл существования для героев, быстро сходящих со сцены, определен как второстепенный, маргинальный; жизнеспособные герои являются носителями доминантного смысла.

Нам поможет и сформулированный выше тезис, что понятие смысла бытия является *системообразующим* в структуре личности, определяет ее целостность, а следовательно, жизнеспособность. В системе образов романа найдут отражение рассмотренные классификации имманентного, неимманентного и трансцендентального смыслов. Интересен принцип группировки

образов: одни из них несут концептуально-структурные функции, другие — субстратные в системе образов, одни герои «реистичны», самодостаточны, другие — «атрибутивны». Это обстоятельство определяет не только группировку образов, но и жизнеспособность героев.

Герои, идущие по пути смерти

«Маленькая княгиня», Лиза, жена князя Андрея Болконского, живет на страницах романа всего несколько месяцев, до родов, и умирает родами. Если спросить, какая она, ответишь преимущественно описанием — короткая, вздернутая верхняя губка; миниатюрна, мила, весела, всюду с собой приносит ощущение легкости, комфорта. Внутренне она «никакая»; в ее натуре нет качеств, которые заставили бы ее продолжать существование. Ее психика атрибутивна, не случайно, выражение лица на смертном одре у нее вопросительное: «Что Вы со мною сделали?». Эта личность однокачественна: у нее единственная функция в романе — дать жизнь сыну.

Элен Курагина — образ более сложный, но статичный. На страницах романа Элен также не суждена долгая жизнь: она проживет семь лет. Главное качество Элен — божественная *красота*. Она — украшение светских балов, ее салон — самый изысканный в Петербурге, но красота Элен сочетается с грубостью нрава, доведенной до вульгарности, злым и лживым характером, склонностью к интригам, корыстолюбием, непорядочностью, неверностью. Элен умирает от болезни, и это тот случай, когда не жизнь, а *смерть* героини имеет смысл. Л. Н. Толстой как бы хочет сказать, что не всякая красота спасет мир, а лишь добрая красота. Внешняя красота и внутреннее безобразие так же несовместимы, как гений и злодейство.

М. И. Кутузов. Образ дается в статике. Этот образ — носитель основных фаталистических взглядов Л. Н. Толстого, который считал, что личность не играет определяющей роли в ходе исторических событий, а гениальность полководца заключается не в том, чтобы действительно руководить военными действиями, а в том, чтобы угадывать, в каком направлении развиваются эти действия по определенным объективным причинам, и не мешать естественному течению событий. Ход истории, по мнению Л. Н. Толстого, предопределяется свыше, и даже не Богом (для этого в ней слишком много случайностей и несообразностей), а высшим объективным законом. Человек не может его изменить, но, познав его, может своими действиями как бы «вписаться» в ход событий. Таков М. И. Кутузов. Он знал, что сражение под Аустерлицем будет проиграно, что Москва будет сдана русскими войсками, но обескровленное французское войско, в конечном счете, покинет Россию и т. п. Предвидя ход событий, Кутузов не вмешивается в них активно, его позиция созерцательна. Выполнив свою патриотическую функцию, он уходит с исторической сцены, умирает. Образ Кутузова — носитель *трансцендентального* смысла бытия, но не личного, а общественного.

Платон Каратаев. Статичный, яркий образ народного мудреца. Воплощает основную идею философского учения Л. Н. Толстого — *непротивление злу насилием*. Для Каратаева жизненная позиция — принимать все, ничего не отвергая, — естественна. Поэтому и сам он естествен, удобен и везде к месту. Как и Кутузов, Каратаев — носитель *трансцендентального* смысла, но не общественного, а личного бытия. Почему же эти герои нежизнеспособны? Для образа Платона Каратаева вопрос решается следующим образом. Идейное нравственное содержание в структуре образа выполняет концептуально-

структурные функции. Однако субстрат — простой человек из народа, солдат, пленный — оказался недостаточно сильным для выполнения этих функций. Говоря языком системного исследования, субстрат не соответствует структуре. В процессе развития сюжета идеологию Платона Каратаева воспринимает и воплощает в жизнь Пьер Безухов, после долгих идейно-нравственных исканий понявший, что истинное знание смысла бытия — в миропонимании Платона Каратаева. Образ Кутузова сложнее. Фаталистическая концепция Л. Н. Толстого является концептуально-структурным стержнем этого образа, и субстрат, личность Кутузова, соответствует концепту и структуре. Как фаталист Л. Н. Толстой подчеркивает, что историческая личность, человек, отождествивший себя с великой общественной функцией, не властен над жизнью именно потому, что эта функция и тот, кем она выполняется, — все это зависит от Провидения; исторические личности нежизнеспособны по определению: исчерпана функция — окончено существование.

Андрей Болконский. Наиболее сложный, динамичный образ героя романа «Война и мир», идущего по пути смерти. Развитие этого образа связано с перманентным решением экзистенциальной проблемы: пограничная ситуация возникает на пути князя Андрея неоднократно. Смыслообразующая «предикатная переменная» последовательно наполняется различным содержанием, но эти константы фиксируют скорее не смысл жизни, а *смысл смерти*. Князь Андрей изживает, отвергает все возможные ипостаси собственной целостности: сначала он ищет смысл существования в браке — и разочаровывается; затем в военной службе — тоже разочарование; в славе — и этот смысл оказывается пустым после ранения под Аустерлицем; далее — новое увлечение молодой графиней Наташей Ростовой — и новое разочарование и т. п. Как видим, ни один из внутренних смыслов бытия не является для личности князя Андрея системообразующим, он последовательно *разрушает*, размывает собственную личность, идя по пути умирания. Его смерть от раны, полученной под Бородиным, — логическое завершение процесса отказа от жизни. Перед смертью ему открывается, как кажется, истинный смысл бытия — любовь, смирение, прощение, неппротивление злу. Но, увы, слишком поздно: жизненные силы исчерпаны. В последнем сне умирающего князя Андрея становится ясен трансцендентальный смысл смерти: смерть — это *пробуждение* к новому высшему бытию и избавление от страданий. Постигание высшего смысла, смысла смерти, придает целостность и законченность образу князя Андрея Болконского.

Герои, идущие по пути жизни

Анализируя эти образы, можно понять, какие качества личности и какой образ жизни считал Л. Н. Толстой осмысленными и одновременно *системообразующими* в личности человека, создающими целостную личность и целостную жизнь. Характеры героев, как правило, даны в *динамике*, и это не внешняя динамика: с героями не происходит случайных событий, безотносительных к их сущности. Суть этой внутренней динамики заключается в том, что «отношения формируют вещь», и в различных обстоятельствах проявляются по-разному и с разной степенью глубины существенные свойства характеров. Менее динамичны образы Николая Ростова и Марии Болконской, более динамичны — Наташи Ростовской и Пьера Безухова.

Николай Ростов — человек вполне земной, «телесный», личность, ориентированная исключительно на ясные, простые, земные человеческие цен-

ности. В начале романа — это добрый юноша, который искренне привязан к семье, любит мать, отца, обожает сестру Наташу. Он не обладает глубоким умом, но страстен, темпераментен, жизнелюбив. Далее — это храбрый воин, отчаянный гусар, весельчак. В конце романа Николай Ростов — крепкий помещик, практично и грамотно ведущий хозяйство, сумевший выплатить долги отца, правильно распорядиться богатым приданым жены, сделать имение доходным. Николай Ростов не задумывается о смысле бытия; он просто живет, и на таких людях держится обычная, земная, «телесная» жизнь. Это человек *субстратной ориентации* личности: высший, концептуально-структурный смысл в его бытие и жизнь семьи привносит жена, Мария Болконская. Для Николая — та «предметная переменная», которая составляет ядро смысла бытия, в течение жизни наполняется различным содержанием: в юности — это патриотизм, готовность умереть за царя и Отечество, в зрелом возрасте — мирный *труд* на благо Отечества и семьи и основа всего — *любовь*, обычная земная любовь ко всем проявлениям жизни — Родине, жене, детям, труду. Личность Николая Ростова несет в себе большое созидательное начало, она жизнеспособна, несмотря на свою очевидную недалекость.

Княжна Мария Болконская — в своих системообразующих формах образ достаточно статичный, смысл бытия заложен в нем *изначально*. Это *вера в Бога*, которая помогает княжне Марье переносить все испытания. Это личность *концептуально-структурной ориентации*, потому что вера — структурный компонент системы бытия. В тех ситуациях, где нет речи о вере, княжна Марья не проявляет самостоятельности, подчиняется отцу, брату, мужу. Но когда задета внутренняя сущность ее жизни — вопрос о Боге, вере, духовности, — здесь она самостоятельна, самобытна, независима. Княжна Марья обладает знанием высшего, *трансцендентального смысла* существования, поэтому в ее жизни нет фальши, нет ошибок, ее поведение безупречно. В образе Марии Болконской выражена нравственная позиция Л. Н. Толстого, его убеждение в том, что Царство Божие внутри нас — это *совесть*. Совесть — внутреннее, имманентное, смысло- и системообразующее качество личности.

Наташа Ростова — динамичный развивающийся образ, но концептуально-структурно-однородный. Наташа — носитель *единственного* смысло- и системообразующего свойства личности и ее существования. Это свойство — *любовь*. Но само это качество развивается, поскольку любовь — это «овеществленное» отношение, которое наполняется на протяжении романа различным содержанием. Наташа познает различные ипостаси любви: это детская любовь к родным, подростковая влюбленность в Бориса Друбецкого, страсть к Анатолию Курагину, сложное по содержанию, но платоническое по сути чувство любви к князю Андрею. Любовь Наташи к князю Андрею — развивающееся чувство: первоначально — это любовь-благодарность за приглашение на балу, после помолвки — любовь-дружба, привыкание и долг, в сценах болезни и умирания смертельно раненного князя Андрея любовь Наташи — это любовь-раскаяние, любовь-служение, любовь-жертва. Показывая на примере различных форм любви Наташи Ростовской, каковы лица любви, Л. Н. Толстой разделяет любовь разрушительную (например, страсть к Анатолию Курагину) и любовь созидательную. Проживая все виды и формы любви, Наташа идет к тому моменту, когда вложенный в ее существо смысл любить и быть любимой разовьется наиболее полно и ярко. Этот смысл раскрылся и стал внутренним стержнем ее личности в браке, в любви к мужу и

детям. Несмотря на то что, по видимости, любовь Наташи вполне земная и плотская и читатели сожалеют, что хрупкая, восторженная, романтическая Наташа превратилась в красивую, сильную, плодовитую самку, в структуре этого образа, в его смысловой нагрузке Л. Н. Толстой представил *трансцендентальный смысл любви*. Толстой показывает, чем *не должна быть* любовь: она не должна быть инфантильной, потребительской, не должна быть разрушительной убивающей страстью и не должна быть жертвенной, потому что, принося жертву, человек подчиняет себя чьему-то умиранию, тем самым разрушает себя. Любовь женщины, по мнению Л. Н. Толстого, *жизнестроительное чувство* жены, матери, хранительницы семейного очага. Это чувство и идея любви не только субстратного, но *структурного* порядка: любовь структурирует личность Наташи Ростовской, является основой ее бытия.

Пьер Безухов — наиболее сложный образ романа, который дается Л. Н. Толстым в развитии, в становлении. «Переменная», которую на каждом этапе жизни заполняют различные «константы» смысла бытия, в структуре образа Пьера такой же необходимый компонент, как и в структуре образа князя Андрея. Но, в отличие от князя Андрея, Пьер идет по пути жизни, и экзистенциальные ситуации, в которые он попадает, не разрушают, а конструируют *целостность* его личности. В начале романа Пьер Безухов — представитель золотой молодежи, на которого внезапно свалилось огромное богатство. Он очень силен физически, но характер его неопределен, аморфен, «атрибутивен». Поэтому он позволяет «потреблять» себя, добровольно становясь «субстратом» для самых неподходящих «структур» и «концептов». Как нам кажется, эта *атрибутивность личности* присуща Пьеру на протяжении всего романа, ему так и не удается обрести атрибут реальности. В семье (в эпилоге) он полностью подчиняется жене, Наташе Ростовской; что касается его политических и общественных взглядов — Л. Н. Толстой делает из них тайну; его нравственно-этическая позиция почти целиком заимствована у Платона Каратаева, Пьер соизмеряет свои поступки и действия с его возможными оценками, с тем, «что бы сказал Платон». Таким образом, Пьер Безухов выступает сильным, *жизнеспособным «субстратом» для иных трансцендентальных смыслов*. Смысловым стержнем личности Пьера Безухова является *доброта*, Пьер находится под сильным влиянием князя Андрея. Причем общественно-политические проблемы для него имеют явно внешний, неимманентный смысл. Пьер увлечен Бонапартом, затем он разочаровывается в нем и хочет убить тирана. Пьер не априорист. Он всегда в гуще событий: присутствует при Бородинском сражении, вступает в масонскую ложу, спасает ребенка при пожаре Москвы, попадает в плен к французам, переживает казнь русских пленных французами и т. д. При всей яркости образа Пьера Безухова следует отметить, что он *несамодостаточен*, смысло- и системообразующие свойства и отношения личности Пьера являются *внешними*. Единственным *имманентным* свойством его является *нравственное чувство* и понимание жизни. Рациональную форму выражения оно получает в плену, в процессе общения с Платоном. Пережив ужас возможного расстрела, Пьер понял, что душу бессмертную ни пленить, ни убить нельзя. Поэтому жить нужно просто, по законам нравственности, принимая все то, что пошлет судьба. Личность Пьера Безухова — это *универсальный субстрат*, на котором реализуются различные типы понимания смысла бытия, каждый раз эта материя бытия оказывается *адекватной воспринимаемым смыслам*. Личность

Пьера жизнеспособна: вбирая в себя различные понимания смысла жизни, Пьер создает из них некоторое синтетическое целое при доминанте в этой системе нравственного начала, совести, трансцендентального смысла.

Завершить наше исследование проблемы смысла бытия человека уместно словами Л. Н. Толстого: «Жизнь человеческая, всякую ее секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл такой, при котором значение жизни не зависело бы от ее продолжительности или кратковременности» [4].

Библиографический список

1. Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново, 1985.
2. Лермонтов М. Ю. «Когда волнуется желтеющая нива...» // Лермонтов М. Ю. Избр. произведения. Минск, 1958.
3. Павич М. Внутренняя сторона ветра. СПб., 1999.
4. Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 7.
5. Толстой Л. Н. Круг чтения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.
6. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1977.
7. Хайдеггер М. К вопросу о назначении дела мышления // Философия сознания в XX веке. Иваново, 1994.

С. Р. Когаловский, Т. Б. Кудряшова

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ ФИЛОСОФИИ И МАТЕМАТИКИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Рассматривается вариант методологического объединения вопросов философского и математического образования, основывающегося на принципе *от неразвитого целого — к развитому целому*. Следование этому принципу предполагает рассмотрение в качестве предмета учебной деятельности не только продуктов процесса ее развертывания, но и сам этот процесс и его логику. Развиваемые на такой основе философия познания и педагогическая практика несут возможность расширения и углубления метакогнитивного опыта субъектов образования, превращения обретаемых ими знаний в Живое Знание.

The main problem, considering in the work, is a version of methodological consolidation of philosophical and mathematical education. Its first principles are “from the undeveloped whole — to the developed whole”. The result is not only subject knowledge, but process and its logic knowledge. It facilitates pedagogical communication development and meta-cognitive experience of students.

Ключевые слова: развивающее обучение, взаимодействие математики и философии, теория познания, дидактика, философия науки, философия образования, языки познания, язык науки, внутренняя форма языка.

Одна из основных философских категорий, категория *взаимодействия*, указывающая на прямую или косвенную взаимообусловленность большинст-